

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ РАЗВИТИЮ: ТЕНДЕНЦИИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

© 2019 г. А. Морозкина

*МОРОЗКИНА Александра Константиновна, кандидат экономических наук,
Научно-исследовательский финансовый институт, Экономическая экспертная группа,
РФ, 107031 Москва, ул. Петровка, 15/13, стр. 5 (a.k.morozkina@gmail.com).*

Статья поступила в редакцию 28.02.2019.

Проанализированы изменения в структуре официальной помощи развитию по географическому распределению, инструментам и формам предоставления. Показано, что в десятилетие после финансового кризиса 2008–2009 гг. в данной сфере наблюдались противоречивые тенденции. С одной стороны, отмечался рост общего объема помощи и проводились реформы, нацеленные на модернизацию статистики, что дало основания в предшествующих исследованиях сделать вывод о более справедливом распределении помощи. А с другой, – снижение доли наименее развитых реципиентов в получателях, уменьшение доли грантов и объема средств, направляемых на проекты в области развития, могут свидетельствовать о снижении эффективности помощи с точки зрения решения проблем развивающихся стран.

Ключевые слова: содействие развитию, двусторонняя официальная помощь развитию, Комитет содействия развитию ОЭСР, инструменты помощи развитию.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92

Официальная помощь развитию (ОПР) – один из механизмов решения проблем развивающихся государств. Для некоторых из них, особенно тех, кто не имеет доступа к международным рынкам капитала, это значимый источник финансирования. По определению Комитета содействия развитию ОЭСР, к ОПР относятся финансовые потоки в пользу стран-реципиентов, которые предоставлены официальными агентами, включая федеральные и местные органы власти или их представителями, и которые направлены на экономическое развитие и повышение благосостояния развивающихся стран, имеют льготный характер и содержат грант-элемент. Последний должен составлять не менее 45% в случае двусторонних кредитов государствам с низким уровнем дохода (при расчете по фиксированной ставке дисконтирования 9%); не менее 15% в случае предоставления кредитов странам с уровнем дохода ниже среднего (при ставке дисконтирования 7%); не менее 10% в случае предоставления кредитов странам с уровнем дохода выше среднего (при ставке дисконтирования 6%); не менее 10% в случае предоставления кредитов многосторонними институтами развития государствам с низким уровнем дохода (при ставке дисконтирования 5% для глобальных институтов развития и 6% для других многосторонних организаций)¹.

¹ Available at: <http://www.oecd.org/dac/stats/officialdevelopmentassistance/definitionandcoverage.htm> (accessed 27.02.2019). Данное определение действует с 1 января 2019 г. и касается только данных за 2018 г. В статье использовано предыдущее определение, согласно которому размер грант-элемента одинаков для всех групп доноров и реципиентов: не менее 25% при ставке дисконтирования 10%.

Содействие развитию предполагает, что богатые государства помогают более бедным с целью уменьшения в них неравенства и повышения качества жизни. Однако эмпирические исследования демонстрируют, что в реальности решающее значение имеют геополитические и экономические интересы донора [1, 2].

МОТИВЫ ДОНОРОВ

В последних исследованиях отмечается, что “вопросы развития стали играть значительно более важную роль, чем ранее” [3, с. 735]. Такие явления, как нелегальная миграция, распространение болезней, региональная нестабильность, рост преступности, терроризм, обостряются в связи с растущим неравенством между странами и становятся источником крупных проблем в развитых государствах. С ростом взаимосвязанности экономик правительства стран-доноров видят в содействии развитию залог безопасности и благосостояния прежде всего собственных граждан.

С начала 2000-х годов доноры стали “внедрять подходы, нацеленные на удовлетворение потребностей реципиентов” [3, с. 132]. В 2000–2004 и 2005–2009 гг. наблюдался рост доли ОПР, направлявшейся в беднейшие страны [4]. Зарубежные исследователи считают, что статистика ОПР за период с 1970 по 2010 г. позволяет говорить о росте “альтруистичности” доноров [5]. На основании рассмотрения помощи со стороны 9 крупнейших стран-доноров (США, Япония, Франция, Германия, Великобритания, Дания, Нидерланды, Нор-

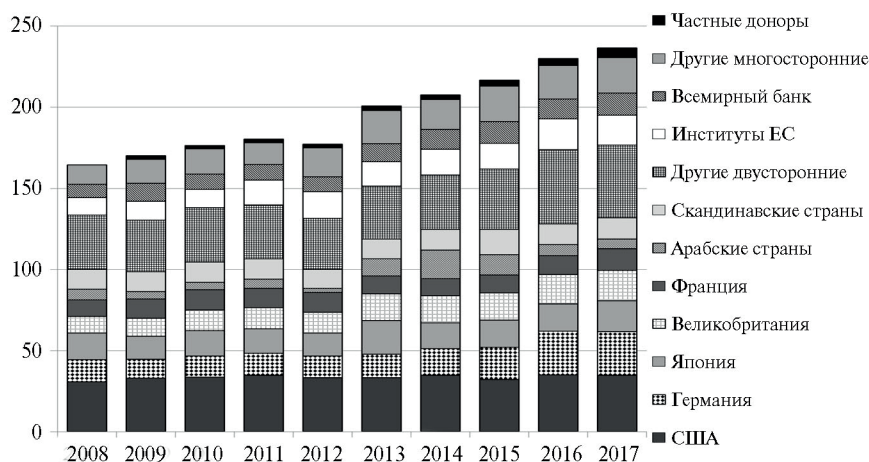

Рис. 1. Объемы ОПР: распределение по донорам, 2008–2017 гг., млрд долл.

Здесь и далее расчеты автора на основе данных ОЭСР (<https://stats.oecd.org/qwids>).

вегия, Швеция) в период с 1995 по 2015 г. сделан вывод о “несколько большем внимании доноров к наиболее бедным реципиентам начиная с 2005 г.” [6, с. 24]. Анализ влияния числа бедных в странах-реципиентах на объемы помощи в период 2010–2015 гг. показал, что “потоки помощи распределены достаточно справедливо” [7, с. 1073].

Таким образом, страны-доноры, хотя и продолжали руководствоваться своими собственными интересами, больше внимания стали уделять нуждам реципиентов, направляя помощь в более бедные страны, не имеющие альтернативных источников финансирования. Проанализируем тенденции ее распределения в период 2008–2017 гг.

ОБЪЕМЫ ПОМОЩИ

Одним из ключевых вопросов в области содействия развитию остается вопрос о достаточности оказываемой помощи. В рассматриваемый период на ее объем и структуру оказал влияние ряд событий, включая мировой финансовый кризис, военные конфликты в странах-получателях (Египет, Сирия, Йемен), природные катастрофы (наводнение на Гаити в 2010 г.), расширение числа доноров в 2012 г., масштабное списание долга Мьянме в 2013 г., принятие целей устойчивого развития и Парижского соглашения по климату 2015 г., миграционный кризис в Европе.

Перечисленные события могли спровоцировать значительное снижение объемов помощи. Тем не менее в течение 2008 и 2009 гг. крупнейшие страны-доноры несколько раз в официальных документах подтверждали сохранение обязательств в области ОПР. В Дохийской декларации по финансированию развития (2008 г.) содержался пункт о необходимости “выполнения обязательств по ОПР, включая обязательство развитых стран по

увеличению доли ОПР в ВВП до 0,7% к 2015 г.”² В коммюнике лидеров G20 от 2 апреля 2009 г. подтверждалось обязательство выполнения “обещаний по ОПР, включая помощь торговле и облегчение долгового бремени, особенно странам Африки южнее Сахары”³.

Можно считать, что государства-доноры в целом выполнили свои обязательства. Общий эффект кризиса 2008–2009 гг. в области двусторонней помощи по всем странам проявился в сокращении ее суммарного объема в 2012 г., но все равно остался на уровне выше докризисного (рис. 1).

В структуре помощи развитию изменения включали, во-первых, снижение доли традиционных доноров, к которым относят страны, входящие в Комитет содействия развитию ОЭСР (КСР ОЭСР), с 76% в 2008 г. до 69% в 2017 г. Во-вторых, наблюдался рост помощи со стороны новых доноров, в наибольшей степени – арабских стран. В частности, в 2014 г. резко возросла роль ОАЭ как одного из крупнейших доноров, не входящих в КСР, оказавшего помощь Египту после произошедшего там государственного переворота 2013 г. В-третьих, увеличилась роль частных доноров (с 1,4% в 2009 г. до 2,5% в 2017 г.).

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Страны с низким уровнем дохода достаточно сильно зависят от ОПР. В некоторых случаях помощь одного донора может составить больше трети

² *Doha Declaration of Financing for Development: Outcome Document of the Follow-Up International Conference on Financing for Development to Review the Implementation of the Monterrey Consensus*. Available at: http://www.un.org/esa/ffd/doha/documents/Doha_Declaration_FFD.pdf (accessed 27.02.2019)

³ *G20 Leaders' Statement, 2 April 2009*. Available at: https://www.imf.org/external/np/sec/pr/2009/pdf/g20_040209.pdf (accessed 27.02.2019).

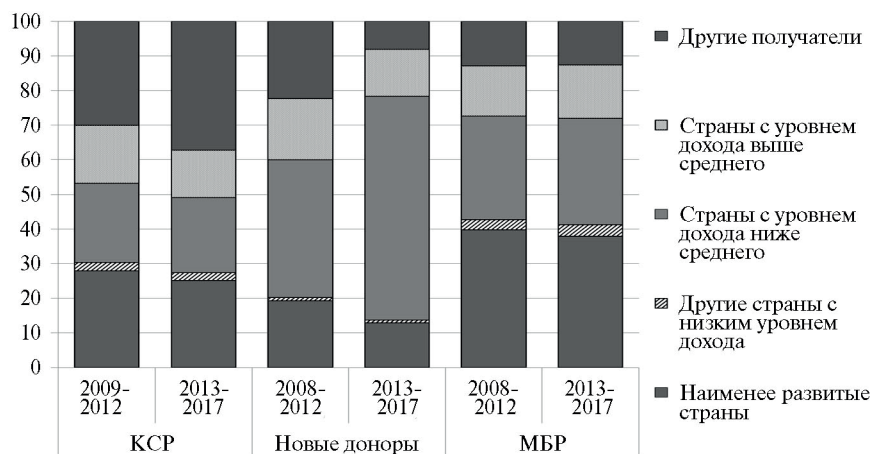

Рис. 2. Структура ОПР по получателям, 2008–2017 гг., %

ВВП получателя (например, помощь Тувалу со стороны Новой Зеландии в 2014–2015 гг. или помощь Либерии со стороны США в 2012–2014 гг.) и достичь более 500 долл. на душу населения в год (помощь Афганистану и Эфиопии со стороны США). В данной группе стран-получателей доля ОПР в притоке капитала составляла 53% в 2008 г., а в 2017 г. – 41%. Более благополучные развивающиеся страны, особенно с уровнем дохода выше среднего, имеют возможности по привлечению извне частного капитала в силу наличия собственных финансовых рынков и относительно низких страновых рисков.

В целом за рассматриваемые 10 лет доля наименее развитых реципиентов в ОПР несколько снизилась: с 28% в 2008 г. до 27% в 2017 г. (рис. 2). На рисунке видно, что значимая часть помощи не распределена по странам и попадает в категорию “другие получатели”, куда входит помощь, перечисленная в специальные целевые фонды, средства из которых не ограничиваются конкретными странами или регионами. Кроме того, в данную категорию входит существенно увеличившаяся в последние годы помощь беженцам, которая, согласно правилам КСР, не учитывается как помощь стране, откуда прибыли беженцы.

Расхождения с результатами предшествующих исследований, отмечавших рост ОПР в адрес наименее развитых стран, связаны с выбором исследуемого периода и базы для сравнения. До 2013 г. действительно наблюдался рост доли наиболее бедных стран, во многом связанный с отдельными событиями, о которых шла речь: землетрясение на Гаити в 2010 г., засуха в Восточной Африке в 2011 г., наводнение в Нигере в 2012 г., списание долга Мьянме в 2013 г. То есть, хотя помощь самым бедным странам и росла, однако только в части гуманитарной составляющей и списания долга, другими словами, способствовала выживанию, а не развитию.

Более детальный анализ показывает, что из 47 таких реципиентов более половины объема по-

мощи направляется всего в 8 из них, включая Афганистан, Бангладеш, Демократическую республику Конго, Мозамбик, Танзанию, Уганду, Эфиопию и Южный Судан (таблица). В то же время за последнее десятилетие концентрация помощи для этих стран снизилась с 48% в 2008 г. до 46% в 2017 г., что можно интерпретировать как свидетельство повышения внимания и к другим странам-получателям, нуждающимся в помощи.

К ним относят “страны-сироты”, которые получают помощь от небольшого числа доноров [8]. Так, Мозамбик и Мадагаскар близки по своим экономическим характеристикам⁴. При этом Мозамбик получает почти в три раза больше, чем Мадагаскар. Наряду с Мадагаскаром к странам, обделенным ОПР, ОЭСР относит Гвинею, Непал, Гамбию, Того, Нигер, Малави, Бангладеш, Лесото, Чад и Сьерра-Леоне. Доля помощи, направляемой в 11 “стран-сирот”, несколько выросла с 5.4% ОПР в 2008 г. до 6.4% ОПР в 2017 г.

ОПР может предоставляться на двусторонней основе, то есть напрямую от страны-донора к стране-реципиенту, или на многосторонней основе, то есть с использованием многосторонних институтов развития. В последнее время увеличилась доля многосторонних институтов развития – с 19% в 2008 г. до 23% в 2017 г. (рис. 1) Как правило, двусторонняя помощь более политизирована и менее нацелена на решение глобальных проблем и нужды реципиентов [9].

В то же время и многосторонняя помощь не свободна от политики. В 2005 г. Всемирный банк прекратил новые проекты в Иране, официально заявив, что полностью поддерживает международные санкции против Ирана. При этом в уставе ВБ сказа-

⁴ Население Мозамбика в 2017 г. – 29.6, Мадагаскара – 25.6 млн человек, ВВП на душу населения – 416 и 450 долл. соответственно. Доля населения, живущего менее чем на 3.2 долл. в день, в Мозамбике – 82% (2014 г.), в Мадагаскаре – 91% (2012 г.).

Таблица. Доли наименее развитых стран в получателях ОПР и 8 наиболее крупных получателей¹ среди наименее развитых стран, 2008–2012 гг. и 2013–2017 гг., %

Страны-доноры	Доля наименее развитых стран среди получателей		Доля 8 крупнейших получателей среди наименее развитых стран	
	2008–2012	2013–2017	2008–2012	2013–2017
Все государства – доноры КСР	27.9	25.4	54.2	49.9
в том числе				
США	33.5	32.5	60.7	56.3
Германия	19.7	13.5	52.8	48.8
Великобритания	34.2	31.3	63.9	59.4
Япония	19.4	25.9	53.4	46.3
Франция	18.7	17.7	19.8	17.4
Швеция	28.6	23.9	59.2	58.0
Дания	39.0	26.3	57.6	58.0

Источник: расчеты автора на основе данных ОЭСР (<https://stats.oecd.org/qwids/>).

¹ Афганистан, Бангладеш, Демократическая республика Конго, Мозамбик, Танзания, Уганда, Эфиопия, Южный Судан.

но, что: “банк и его сотрудники не имеют права вмешиваться в политическую деятельность членов банка; при принятии решений политический характер страны-члена не должен оказывать влияние”⁵. Европейский банк реконструкции и развития с 2014 г. не реализует новых проектов на территории России, хотя официально не заявлял о соблюдении западных санкций.

ИНСТРУМЕНТЫ

Три основных инструмента ОПР – гранты, кредиты, капиталовложения (последние составляют менее 1% ОПР). Для того чтобы кредит был отнесен к ОПР, он должен содержать грант-элемент, то есть помощь, предоставляемую на невозвратной основе⁶. Доля грантов снизилась с 85% в 2008 г. до 77% в 2017 г., хотя в 1978 г. страны-доноры согласились на ее увеличение до 86%. Это связано с тем, что некоторые страны-доноры (Германия, Франция, Япония и ОАЭ) не выполняют заявленные обязательства. Одновременно США довели долю грантов до 100%. На достаточно высоком уровне остается доля грантов, предоставляемых развивающимся странам с уровнем дохода выше среднего (рис. 3).

Проблема снижения доли грантов в некоторой степени решается изменениями в определении понятия официальной помощи и в принципах ее статистического учета. Они были запущены в 2012 г. Комитетом содействия развитию (КСР), принявшим решение о необходимости модернизации концепции ОПР и соответствующей статистической

⁵ Available at: <http://siteresources.worldbank.org/EXTABOUTUS/Resources/ibrd-articlesofagreement.pdf> (accessed 27.02.2019).

⁶ Грант-элемент – это выраженная в процентах к номинальной стоимости кредита разница между номинальной стоимостью кредита и суммой дисконтированных будущих платежей, рассчитанных с использованием фиксированной ставки дисконтирования, установленной КСР ОЭСР. Available at: <http://www.oecd.org/dac/dac-glossary.htm> (accessed 27.02.2019).

системы. Реформы затронули в первую очередь систему учета грант-элемента, который определяет степень льготности кредита. Соответствующие изменения были утверждены в 2014 г. и вступили в силу с 1 января 2019 г.

Во-первых, в качестве помощи теперь учитывается только грантовый эквивалент (абсолютная разница между номинальной стоимостью кредита и суммой дисконтированных платежей по нему, то есть фактически грант-элемент, умноженный на номинальную стоимость кредита), а не весь кредит целиком, как раньше. При этом выплаты прошлых долгов не будут вычитаться из объемов текущей помощи, хотя продолжится их отдельный учет. Как считается, это будет способствовать большей сопоставимости усилий доноров при использовании различных инструментов. Кроме того, авторы реформы предполагают, что таким образом для доноров создается стимул для предоставления грантов или кредитов на более мягких условиях, особенно странам-реципиентам с низким уровнем дохода на душу населения.

Во-вторых, в соответствии с новым определением ОПР вводится разделение учета по группам стран-реципиентов, поскольку они характеризуются разным уровнем риска, а кредиты должны предоставляться им на разных условиях, включая уровень процентной ставки. Дифференцируется как размер требуемого грант-эквивалента, так и ставка дисконтирования, по которой определяется льготность кредита.

В то же время даже со сниженной ставкой дисконтирования возможны случаи, когда рыночная ставка по долгосрочным долговым ценным бумагам страны-реципиента ниже, чем установленная ОЭСР ставка дисконтирования. Фактически возникает ситуация, когда часть кредита, выданного на рыночных условиях, может быть учтена в качестве помощи развитию. Такие ситуации могут воз-

Рис. 3. Структура ОПР по инструментам, 2008–2017 гг., %

никнуть, например, при выдаче кредитов таким странам, как Ботсвана, Иордания, Китай, Малайзия, Мексика, Таиланд (ставки по 10-летним облигациям менее 6%), Руанда и Эфиопия (ставки по 10-летним облигациям менее 9%).

Таким образом, существующая система статистики по ОПР не во всех случаях адекватно отражает усилия доноров, однако КСР ОЭСР предпринимает шаги по улучшению данной системы.

ФОРМЫ ОПР

ОЭСР выделяет следующие формы ОПР: прямая поддержка госбюджета; финансирование бюджетов организаций, целевых программ и фондов; финансирование отдельных проектов; экспертная и другая техническая помощь; предоставление стипендий студентам; списание долга; другие административные расходы; прочие расходы доноров. В последнее десятилетие заметно увеличилась суммарная доля средств, которые фактически не попадают в страну-реципиент (административные расходы, гранты студентам в стране-доноре, расходы на беженцев, информирование общества о проблемах в области развития) – с 13% в 2008–2012 гг. до 19% в 2013–2017 гг. (рис. 4). Это в первую очередь связано с ростом расходов на беженцев – к 2017 г. они выросли почти в шесть раз относительно 2008 г. и составили 10% объема всей помощи. В 12 государствах-донорах эта категория расходов значительно превысила средние показатели, в частности в Греции (где 80% двусторонней ОПР составляют расходы на беженцев), Италии (61), Исландии (41), Испании (32), Германии (31%).

Расходы на беженцев, хотя и считаются по сути гуманитарными, не направлены на развитие страны-реципиента, как того требует определение ОПР. Тем не менее в 1988 г. страны-доноры договорились о включении расходов на беженцев в первый год их пребывания в стране-доноре в офици-

альную помощь. Резкое увеличение таких расходов в условиях миграционного кризиса в Европе привело к возобновлению дискуссии о правомерности их включения в число форм оказания ОПР.

В основном опасения связаны с тем, что рост этого вида расходов может снижать объем средств, направляемых непосредственно в страны-реципиенты в целях содействия их развитию. В 2015 г. было проведено специальное исследование по странам – членам Комитета содействия развитию, 13 из них информировали, что расходы на беженцев будут финансироваться не из бюджетов, уже выделенных на содействие развитию, однако 7 сообщили, что в 2015–2016 гг. для финансирования расходов на беженцев использовались бюджеты, выделенные на ОПР [10].

Еще одним изменением последнего десятилетия стало снижение с 55% в 2008–2012 гг. до 50% в 2013–2017 гг. доли страновой программной помощи, то есть помощи, в распределении которой может участвовать страна-получатель (рис. 4). Страновая программная помощь рассчитывается путем вычитания из суммарной помощи следующих разделов: непредсказуемых по своей природе (списание долга и гуманитарная помощь); не покидающих страну-донора (административные расходы на предоставление помощи, гранты студентам в стране-доноре, расходы на беженцев в стране-доноре, информирование общества о проблемах в области развития); не оговоренных соглашениями о кооперации между странами (продовольственная помощь, финансирование НКО, участие в собственном капитале предприятий и т.д.).

Страновая программная помощь остается одним из лучших индикаторов помощи, направляемой на реальные проекты в области развития, поэтому ее параметры – это важный показатель истинной “альтруистичности” стран-доноров. В то же время ее уменьшение может означать не только снижение расходов на развитие, но и увеличение

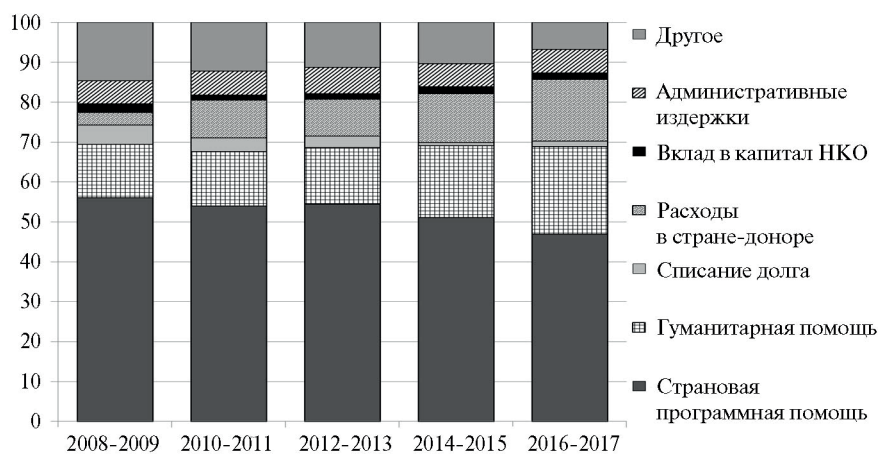

Рис. 4. Структура ОПР по формам, 2008–2017 гг., %

в странах-донорах количества специализированных фондов, средства которых не предназначены конкретной стране, а направлены на реализацию отдельных инвестиционных проектов. Это могут быть вложения в фонды социально-преобразующих инвестиций, таких как Глобальный инвестиционный фонд здоровья (*Global Health Investment Fund*), финансирующий развитие и запуск новых технологий в области медицины, разработки и производства лекарств и инструментов диагностики. В него, например, инвестировали шведское и канадское агентства по развитию.

В то же время соглашения о повышении эффективности помощи развитию, в частности, Парижская декларация и Аккрская программа действий, предполагают повышение участия стран-реципиентов в распределении страновой программной помощи для повышения ее эффективности.

Для оптимизации направлений помощи возможно использование таких инновационных инструментов, как облигации развития. Это финансовый инструмент, предполагающий выплату первоначальному инвестору основного долга с процентом только в случае выполнения заранее заданных целей. Выплату осуществляет сторонний спонсор – как правило, банк развития либо агентство по развитию. Такие инструменты позволяют получить конкретный результат даже в случае предоставления помощи экономическим и политическим партнерам донора. Бельгия, Италия, Швейцария уже начали участвовать в выпусках подобных инструментов, поскольку все три страны выступают сторонними спонсорами в выпуске облигаций, направленных на финансирование строительства реабилитационных центров в трех африканских странах: Нигерии, Мали и Демократической республике Конго [11].

Другим подходом, ориентированным на результат, может быть использование помощи для закупок у местных производителей, в частности произведенного ими продовольствия. Такая инициатива была предложена на конференции в Канзасе еще в 2005 г. для поддержки африканских фермеров. В соответствии с ней четверть средств, использованных на продовольственную помощь США, должна была быть использована на закупки продовольствия в бедных странах [12, р. 53]. В итоге вместо заполнения местных рынков американскими продуктами, что разоряет африканских фермеров и снижает доходы населения, фактически не имеющего альтернативных заработков, осуществляется поддержка предпринимательской инициативы на местах.

* * *

Анализ состояния ОПР в период с 2008 по 2017 г. высвечивает пеструю картину. Нельзя отрицать, что внешне в ОПР сохраняются элементы альтруизма. Это отражается в ее общем росте, несмотря на бюджетные ограничения в странах-донорах после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., а также в некотором повышении их внимания к “странам-сиротам”. Кроме того, проведено реформирование системы учета помощи с целью стимулирования предоставления ее на более мягких условиях кредитования и на безвозмездной основе. Однако одновременно наблюдались тенденции, которые можно трактовать как рост эгоизма стран-доноров. Речь идет об уменьшении доли помощи, направляемой в самые бедные страны, объемов грантов и страновой программной помощи, а также о повышении доли расходов, которые не покидают финансовые системы доноров. Таким образом, главное значение сохраняют собственные интересы доноров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Бартнев В.И., Глазунова Е.Н. *Содействие международному развитию. Курс лекций*. Москва, Всемирный банк, 2012. 409 с. [Bartenev V.I., Glazunova E.N. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu. Kurs lektcii* [International development assistance. series of lectures]. Moscow, Vsemirnyi bank, 2012. 409 p.]
2. Hoefler A., Outram V. Need, Merit, or Self-Interest – what Determines the Allocation of Aid? *Review of Development Economics*, 2011, vol. 15, no. 2, pp. 237-250. DOI: 10.1111/j.1467-9361.2011.00605.x
3. Bermeo S.B. Aid Allocation and Targeted Development in an Increasingly Connected World. *International Organization*, 2017, vol. 71, no. 4, pp. 735-766. DOI: 10.1017/S0020818317000315
4. Bodenstern T., Kemmerling A. A Paradox of Redistribution in International Aid? The Determinants of Poverty-Oriented Development Assistance. *World Development*, 2015, vol. 76, pp. 359-369. DOI: 10.1016/j.worlddev.2015.08.001
5. Civelli A., Horowitz A.W., Teixeira A. Is Foreign Aid Motivated by Altruism or Self-Interest? A Theoretical Model and Empirical Test. *SSRN Electronic Journal*, 2014. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2390448 (accessed 27.02.2019).
6. Bickenbach F., Mbelu A., Nunnenkamp P. Is Foreign Aid Concentrated Increasingly on Needy and Deserving Recipient Countries? An Analysis of Theil Indices, 1995–2015. *World Development*, 2019, vol. 115, pp. 1-16. DOI: 10.1016/j.worlddev.2018.11.003
7. McGillivray M., Clarke M. Fairness in the International Allocation of Development Aid. *The World Economy*, 2018, vol. 41, no. 6, pp. 1068-1087. DOI: 10.1111/twec.12636
8. *OECD–DAC Development Brief: where Do We Stand on the Aid Orphans?* Available at: <https://www.oecd.org/dac/aid-architecture/Aid%20Orphans%20Development%20Brief.pdf> (accessed 27.02.2019).
9. Biscaye P.E., Reynolds T.W., Anderson C.L. Relative Effectiveness of Bilateral and Multilateral Aid on Development Outcomes. *Review of Development Economics*, 2017, vol. 21, no. 4, pp. 1425-1447. DOI: 10.1111/rode.12303
10. *Development Co-operation Report 2018: Joining Forces to Leave No One Behind*. Paris, OECD Publishing, 2018. 209 p. Available at: <https://doi.org/10.1787/dcr-2018-en> (accessed 27.02.2019).
11. *The World's First "Humanitarian Impact Bond" Lunched to Transform Financing of Aid in Conflict-hit Countries*. Available at: <https://www.icrc.org/en/document/worlds-first-humanitarian-impact-bond-launched-transform-financing-aid-conflict-hit> (accessed 27.02.2019).
12. Moyo D. *Dead Aid: Why Aid Is not Working and How There Is a Better Way for Africa*. New York, Farrar, Straus and Giroux, 2009. 188 p.

OFFICIAL DEVELOPMENT AID: TRENDS OF THE LAST DECADE

(World Economy and International Relations, 2019, vol. 63, no. 9, pp. 86-92)

Received 28.02.2019.

Aleksandra K. MOROZKINA (a.k.morozkina@gmail.com),

Financial Research Institute, Economic Expert Group, Petrovka Str., 15/13, bld. 5, Moscow, 107031, Russian Federation.

Active growth of development assistance during the last decade gave a birth to the concept of increasing concentration of donor's attention on developing countries' needs and fairer allocation of development aid. Based on the OECD DAC data from 2008 to 2017 the article analyzes the structure of official development aid by donors, geographical distribution, instruments, channels and forms of development aid after the crisis of 2008–2009 in order to test the soundness of this concept. First, analysis of structure of aid by donors shows increasing role of new donors, including Arab countries, and private donors. Giving unpredictability of Arab aid, this trend may not be sustainable. Second, examination of main recipient groups demonstrates reduction of share of Official Development Assistance (ODA) directed to the least developed countries, although concentration on the 8 largest recipients decreased. Third, study of the instruments shows decrease of grants' share in ODA, and still large share of grants allocated to upper-mid income recipients. Although DAC countries made efforts aimed at stimulation of disbursement of grants and softening of loan terms, current steps are not enough to change the trend. Fourth, analysis of forms of ODA demonstrates increasing share of in-donor ODA expenditures, mainly due to growing refugees costs. Also it shows that growing share of ODA allocated to the least developed countries, highlighted by the previous researches, is to a large extent associated with humanitarian aid and debt actions, and not with the aid aimed at financing development. Furthermore, expenditures on development measured by country programmable aid (CPA) decreases during the last decade. This is a clear indicator of decreasing donors' attention to the needs of recipient countries. Thus, comparison of directions and structure of aid before and after financial crisis supports the hypothesis of donors' selfishness. There is an urgent need to create additional incentives for distributing the development assistance in favor of the most needy countries.

Keywords: official development assistance (ODA), bilateral aid, OECD, Development Assistance Committee.

About author:

Aleksandra K. MOROZKINA, Cand. Sci. (Econ.), Head of Structural Reforms Division.

DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-86-92